

«ИСТОРИЯ СЕЛА ГОРЮХИНА» В АНАЛИЗЕ Н.Н.СТРАХОВА

«История села Горюхина» занимает в книге Н.Н.Страхова «Заметки о Пушкине и других поэтах» относительно скромное место. Но критик подошел к ней в необычном аспекте: он увидел в ней образец литературной пародии. Даже для человека, осведомленного в литературе о Пушкине, сама постановка вопроса о Пушкине как авторе пародий может оказаться неожиданной. При всем обилии написанного о нем в этом аспекте его творчество представляется совершенно неизученным. Еще большим должно было быть удивление читателей сборника статей Н.Н.Страхова «Заметки о Пушкине и других поэтах», где этот вопрос был поставлен впервые. Конечно, объем написанного о Пушкине за минувшие с тех пор почти полтора века возрос многократно, но и к тому времени уже существовали статьи Белинского, Ап.Григорьева и многих других авторитетных авторов, и о пародиях Пушкина в них не было ни слова.

Стоит напомнить, что сам Страхов отдавал себе отчет в новизне найденного им подхода к произведениям Пушкина и счел нужным отметить: «Сколько помнится, никогда не было указано на такое значение этих произведений; между тем оно несомненно» [12;27]. Ощущается настоятельная необходимость критически осмыслить «открытие» Страхова, уяснить, соответствует ли действительности то, что казалось ему несомненным, ввести его аргументы в контекст современных представлений о Пушкине.

Итак, что же утверждал Страхов? К вопросу о Пушкине-пародисте он обращался дважды: в статье «Главное сокровище нашей литературы» и в специальной небольшой заметке, которая так и называется – «Пародии», и обращался для того, чтобы вновь и на новом материале подтвердить величие Пушкина. Ему, говорит Страхов, «не чуждо было сознание своего величия», и в его пародиях он видел «свидетельство тех проблесков сознания своего величия, которые в этом случае, то есть у Пушкина, доказывают само величие» [12; 26-27].

По мнению Страхова, «Пушкин написал две пародии, именно "Летопись села Горохина", пародию на "Историю Государства Российского" Карамзина и так называемые второе и третье "Подражания Данту", составляющие пародию на "Ад Божественной Комедии" Данта» [12;27]. Страхов ошибочно называет произведение Пушкина. Правильное название – «История села **Горюхина**». Искажение, сделанное в первом, посмертном собрании сочинений Пушкина, существовало до начала XX века и было исправлено только С.А.Венгеровым по обнаруженной им рукописи и введено в оборот с выходом Полного собрания сочинений Пушкина, выпущенного под его редакцией в 1907-1915 гг., т.е. после смерти Страхова. При этом Венгеров не только обосновал правильность своего прочтения спорной буквы, но и указал на его принципиальный характер:

«Это название столь же символично, как и вся ”История”, как символичны некрасовские Нееловы, Гореловы и другие»[4; 226].

Прежде чем обратиться к аргументации предлагаемого им «значения» названных пушкинских произведений, критик делает очень важное предупреждение: «Но скажем прежде несколько слов о том, что такое пародия. Читатели, привыкшие к современным ходячим пародиям, пожалуй, видят в них что-то не совсем хорошее, и готовы будут найти, что мы не делаем чести Пушкину, приписав ему охоту упражняться в этом роде поэзии. Пародия составляет нынче большей частью бестолковое глумление над пародируемым произведением, состоящее в бесцеремонном искажении его смысла, тона и духа. Это дело легкое и бесплодное, в котором талант заменяется грязным воображением, одевающим в пошлость все, что ни видит перед собой»[12;27].

Здесь Страхов излагает – пусть с враждебной и уничижительной интонацией – то понимание пародии, которое было господствующим в его время, когда считалось само собой разумеющимся, что смысл пародии в том, чтобы разоблачать отжившее, бездарное, дискредитировать ложные авторитеты, указывать читателю на слабости незаслуженно прославленных произведений, но подлинные художественные шедевры не должны и не могут быть предметом пародирования.

Поэтому Н.А.Добролюбов, который сам был первоклассным пародистом и не раз использовал возможности пародии в литературной борьбе, говорил о непростительности «и самых остроумных насмешек над тем, что дорого и свято... Попробуйте перепародировать Гоголя в его ”Мертвых душах ”, ”Ревизоре ” и лучших повестях – много ли успеха будете вы иметь?»[4; 215]. Иное дело, если требуется «ловить и обличать»: «тут-то и годится пародия»[2; 220].

Такой подход к пародии сохраняет права гражданства до нашего времени. «Пародия **всегда** (Выделено нами. – Т.В.) связана с дискредитацией идейного смысла произведения или поэтической системы писателя...» – писал И.Г.Ямпольский. Поскольку он зарекомендовал себя как исследователь именно добролюбовско-страховского периода истории русской литературы, то они показательны не только как его собственное мнение, но и как выражение взгляда, который сформировался именно на основе тогдашней литературной практики и в то время был господствующим.

Но Страхову могло быть известно и другое, пушкинское понимание пародии, которое он дал в заметке «Англия есть отечество карикатуры и пародии», появившейся в 1830 г. в «Литературной газете», а в 1881г. введенной П.А.Ефремовым в корпус сочинений Пушкина. Для Пушкина главное в пародии не установка на высмеивание и уничтожение, а способность пародиста верно уловить и воспроизвести особенности стиля пародируемого автора. «Сей род шуток, – писал он, – требует редкой гибкости слога; хороший пародист обладает всеми слогами» [13;118].

Но если эти строки и не были известны Страхову, он в своем понимании пародии явился прямым продолжателем Пушкина, сформулировав совершенно сходный подход к ее сущности и функциям, резко разойдясь со своими современниками. Это им он сказал: «Не такова настоящая, поэтическая пародия. Она требует глубокого и строгого проникновения в дух и манеру писателя, который пародируется. Чем ближе пародия к подлиннику, тем она выше. Во-вторых, такая пародия требует полного и меткого указания тех противоречий, которые пародируемый писатель представляет в отношении к действительности, или к идеалу; следовательно, такая пародия требует ясного понимания этой действительности, этого идеала; она вызывается этим пониманием, и служит для его выражения и прояснения. Таким образом, из-за настоящей пародии должен выглядывать тот взгляд на предмет, то лучшее и высшее его понимание, против которого фальшивит пародируемый автор. В таком смысле, как обличение фальши перед истиною, пародия есть вполне поэтическое дело, вызываемое действительною поэтическою потребностью и требующее высокого таланта. И в этом смысле пародии Пушкина суть произведения удивительные по глубине и мастерству, лучшие пародии, которые когда-либо были писаны» [12;28].

Критик не случайно так подробно излагает теоретические предпосылки своего анализа пушкинских пародий: ведь если исходить из добролюбовского понимания пародии и недопустимости пародирования того, что «дорого и свято», то, как могли стать его объектом такие дорогие и святые для Пушкина имена, как Данте и Карамзин. Вместе с тем, когда Страхов вменяет в обязанность пародии «обличение фальши перед истиною», он не вступает в противоречие и с Пушкиным. Ведь и Пушкин ставил пародию в один ряд с карикатурой, но и в той и в другой он видел в первую очередь подтверждение значимости объекта, привлекающего внимание пародиста и карикатуриста: «Всякое замечательное произведение подает повод к сатирической картинке; всякое сочинение, ознаменованное успехом, подпадает под пародию» [13; 118].

Развивая эти мысли во второй статье, Страхов отмечает, что в пародиях Пушкина «обнаруживается та же его изумительная чуткость. Способный по произволу принять тон и склад какого угодно писателя, он тонко чувствовал малейшие отклонения его от идеала поэтической красоты; этот идеал был так ясен для Пушкина, что отклонения выступали, как темные пятна на ярком свете, и наш поэт иногда забавлялся, подробно обозначая густоту и контур этих пятен» [12; 52].

Трудно представить себе, что на такое глубокое и во многих отношениях горькое произведение, как «История села Горюхина» как на забаву, что, создавая такие произведения, Пушкин «бросал со своих высот на другие умы (Карамзина?Данте?–Т.В.) взгляд, так сказать, играющий высокомерием» [12;27]. Но факт есть факт, и Страхов имел основание напомнить о том, что «Пушкин до конца жизни никогда не думал печатать этих *странных* произведений, и они явились только после его смерти в "Современнике"» и сделать вывод, правда,

не столь уж бесспорный, «что они сделаны были только *для себя*. Это была свободная игра его могучего гения, смысл которой едва ли был бы доступен для его читателей» [12; 26-27].

Присмотримся теперь к аргументации, к которой прибегает Страхов, чтобы обосновать пародийный характер «Истории села Горюхина». Произведение Пушкина, утверждает он, написано языком, «знаменитым слогом» карамзинской «Истории». Расположение пародии напоминает первый том «Истории Государства Российского». Вступление соответствует предисловию. От стихов и повестей Белкин, подобно Карамзину, перешел к истории, и перешел с теми же чувствами. «Мысль, – пишет Белкин, – оставить мелочные и сомнительные анекдоты для повествования великих и истинных происшествий давно тревожила мое воображение» [т.IV; 223]. Так смотрел и Карамзин. «И вымыслы нравятся, – говорил он, – но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина» (Предисл. X). Взгляд на значение истории у обоих авторов совершенно одинаков [12; 29].

Думается, однако, что Страхов здесь несколько огрубляет действительное положение вещей. Карамзин призывает обманывать себя, выдавая вымыслы за истину, а Белкин (Пушкин) – оставить «сомнительные анекдоты» ради «истинных происшествий». О некоторой близости этих взглядов говорить можно, но никак не о том, что они совершенно одинаковы.

Более достоверно, хотя тоже не «совершенно одинаково» сходство в высказываниях обоих авторов о значении истории. У Карамзина: «История есть священная книга народов, главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил». У Пушкина: «Быть судиею, наблюдателем и пророком веков и народов казалось мне высшею степенью, доступной для писателя» [12; 29-30]. Напоминает Страхов и о том, что Карамзин предпослал своему труду перечень исторических источников, среди которых называл летописи, так же делает Белкин в «Истории села Горюхина».

Далее Страхов выстраивает сопоставление цитат из произведений обоих авторов, но убедительность этих сопоставлений очень разнится. Вот пример, в котором сходство предметов описания и их характеристик действительно просматривается: «Карамзин: «Славяне имели в стране своей истинное богатство людей: тучные луга для скотоводства, и земли плодоносные для хлебопашества, в которых издревле упражнялись» [12; 64]. Белкин: «Издревле Горохино славилось своим плодородием и благорастворенным климатом. На тучных его нивах рожь, овес, ячмень и гречиха»» [12; 30].

Или: Карамзин: «Волынка, гудок и дудка были также известны предкам нашим: ибо все народы славянские любят их» Пушкин: «Музыка была всегда любимое искусство образованных горохинцев: балалайка и волынка, услаждая чувство и сердце, поныне раздаются в их жилищах, особенно в древнем общественном здании, украшенном елкою» [12; 31].

А вот пример другого рода, где сходство явно надумано. У Карамзина: «Греки, осуждая нечистоту славян, хвалят их стройность, высокий рост и

мужественную приятность лица. Загорая от жарких лучей солнца, они казались смуглыми, и все без исключения были русые». У Пушкина: «Обитатели Горюхина, большею частью, роста среднего, сложения крепкого и мужественного, глаза их серые, волосы русые или рыжие» [12;30]. В первой цитате рост высокий и мужественная приятность лица. Во второй – рост средний, а мужественное – сложение. В первой волосы без исключения русые, во второй – русые или рыжие.

В «Летописи села Горохина», утверждает Страхов, «чувствуется удивительно-схваченная манера Карамзина», но «схвачена» она была не в качестве образца, в результате неудовлетворенности ею: «нельзя не чувствовать глубокой фальши, в которую впал Карамзин, резкого, и потому смешного противоречия между предметом и изложением. Итак, вот что сделал Пушкин. Он позволил себе лукавую и веселую дерзость, далеко превосходящую дерзости современных нам нигилистов. Он решил подсмеяться над нашими летописями и над великим трудом Карамзина, без сомнения, величайшим произведением русской литературы до Пушкина» [12;31].

При чем здесь ненавистные Страхову нигилисты, которых Карамзин ни капли не интересовал, не очень ясно, разве только для того, чтобы повторить, кто их стремления к переоценке вещей продиктованы «тупым отрицанием, опирающимся на одном непонимании» и противопоставить его прозорливости Пушкина. Но важно другое. Пушкин, по Страхову, вовсе не следует Карамзину и пишет свою историю, руководствуясь другими принципами.

Только что сопоставлялись цитаты, суть которых была в том, что оба автора более всего стремились к истине, теперь выясняется, что реализовано это стремление только у Пушкина: «Сквозь насмешки Пушкина (надо полагать, над Карамзиным – Т.В.) сквозит истина дела; как живое, встает перед нами Горохино, и вы начинаете догадываться, в каком правдивом свете можно бы изложить историю наших предков. Карамзин, очевидно, употребил для этой истории чужие мерки, облек ее в ложные краски: Пушкин глубоко почувствовал фальшь и попробовал сделать несколько штрихов, вполне верных действительности: контраст вышел поразительный» [12; 31]. Так что же должно быть подтверждено сопоставлением обоих произведений: сходство или контраст?

Как показывает заключительный вывод критика, не «История государства Российского», только «История села Горюхина» служит для наших историков «постоянным указанием на то, к чему они должны направлять все усилия при изображении далекой старины, людей и нравов, стоящих на совершенно иных ступенях развития, имеющих совершенно иные формы жизни» [12;32].

Во второй статье – «Пародия» те же противоречия, которые обнаруживаются и в предыдущей. Здесь вывод критика определен и однозначен: «...Самая замечательная пародия Пушкина есть "Летопись села Горохина", в которой он пародировал первые главы "Истории Государства Российского". Ложный тон Карамзина здесь разоблачен совершенно, притом не

вообще, а с точным указанием истинных свойств предмета, по отношению к которому этот тон ложен»[12;54]. Не вступает ли здесь критик в противоречие с собственным определением пародии, которое он недавно отстаивал и противопоставлял неверному, но получившему распространение у современников?

Страхов отдавал себе отчет в том, что «черты русской жизни, намеченные здесь Пушкиным, истинно драгоценны – и стоили бы подробного разбора», что «верность этих черт и правдивость их освещения поразительны», что с этой вещи «начинается поворот в деятельности Пушкина, и он пишет ряд повестей из русской жизни, заканчивающийся ”Капитанскою дочкою”»[12;54].

Но это были лишь планы, оставшиеся неосуществленными, а вот вопрос об «Истории села Горюхина» как пародии Страхов поставил первым, и те, кто обращались к этому произведению позднее, уже привычно называли эту вещь пародией, не считая нужным дополнительно обосновывать его принадлежность к этому роду литературы (См., например: [4; 226],[7;237],[11;79]). Все они явились в известной мере последователями Страхова независимо от того, соглашались они с ним или нет и как оценивали его концепцию и его аргументы.

Многие исследователи считали, что намерение пародировать «Историю государства Российского» находится в вопиющем противоречии с отношением Пушкина к главному труду Карамзина, в котором он видел «не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека», и принимая как данное пародийный характер «Истории села Горюхина», высказывали предположение, что объектом пародии явились другие, менее симпатичные Пушкину авторы. Назывались, в частности имена Н.А.Полевого (В.В.Виноградов, В.В.Сиповский, В.Кожевников), М.Т.Каченовский (А.Искоз) и некоторые другие.

«”История села Горюхина” явно пародирует ”Историю русского народа...”, – уверенно утверждает В.Кожевников, – Горюхинская история пронизана пародийными реминисценциями. Пушкин метил в Н.А.Полевого, в его ”Историю...” Не случайно он взял ее с собой в Болдино»[8;181]. Неоднократно высказывались предположения, что Пушкин мог пародировать историков XVIII века и общий искусственно приподнятый и ложный тон, получивший распространение в книгах разных авторов.

М.П.Алексеев считал, что «пародия Пушкина должна была иметь в виду не специально то или иное произведение русской исторической литературы (Карамзин, Полевой), но некоторые общие нормы русской историографии» [2;74]. Н.В.Измайлов писал об «Истории села Горюхина», что «вопрос о том, пародировал ли Пушкин в своей сатире современных и прошлых историков и кого именно пародировал, остается невыясненным и спорным»[10; 483].

Весьма оригинальную гипотезу выдвинула Ю.И.Левина в статье «Об источниках пародийной формы в ”Истории села Горюхина”»[3;84-92]. Автор в целом солидаризируется со своими предшественниками в том, что «вопрос о

пародийном характере "Истории села Горюхина" рассматривался как центральный, осмысляющий все произведение; исследователи исходили из того, что пародия обязательно имеет адресат и пародирует какой-либо определенный исторический труд. Но кого из современных историков, и какой именно исторический труд имел в виду Пушкин? Тут мнения пушкинистов расходились, и назывались, в основном два имени: Н.М.Карамзина и Н.А.Полевого»[3; 84].

Далее автор обращает внимание на то, что «существовали известные Пушкину исторические работы несравненно более близкие по своему стилю и форме к изложению горюхинской истории, чем труды Карамзина и Полевого. Такой вывод позволяет сделать знакомство с учебниками и лекциями, которыми пользовались в Лицее в годы пребывания там Пушкина. Автор привлекает к рассмотрению и лицейские журналы и, приведя обширную выдержку из одного из них, делает вывод: «Эта пародия поразительно близка "Истории села Горюхина" по своему приему пародирования форм и изложения исторического труда» [3; 90].

Едва ли не все исследователи «Истории села Горюхина» настойчиво подчеркивали, что смысл и значение этого произведения не ограничиваются лишь его пародийным характером: «"История Горюхина"» есть прежде всего отражение жизни "села" Пушкин затронул и ярко осветил самые наиболее острые вопросы общественной жизни крепостнической России»[1;375]. «С "Историей села Горюхина" входит в прозаическое творчество Пушкина "крестьянская" тема во всей ее остроте и глубине»[10;483]. «Смысловая перспектива пушкинской "Истории села Горюхина" отражает всю историю крепостнической России и как бы предвещает "Историю одного города" Салтыкова-Щедрина»[5;504]. «"История села Горюхина" мыслилась как художественная летопись России с "баснословных времен" по современную Пушкину действительность. В ней истоки многих исторических замыслов Пушкина последних лет» [8;183].

Мы полагаем, что Страхов не стал бы возражать ни против одного из этих высказываний. Но не будем забывать, что в отличие от всех процитированных авторов он писал не об «Истории села Горюхина». Он писал о Пушкине-пародисте. Он ставил своей целью показать, что в богатейшей художественной палитре Пушкина нашла свое, пусть и небольшое место и пародия. Одним из примеров творчества Пушкина как пародиста ему послужила «История села Горюхина», и наличия в ней пародических элементов, кажется, никто не оспаривает. Другим примером были, по его мнению, второе и третье «Подражания Данту», в которых он усмотрел пародирование «Божественной комедии».

Но это отдельная тема, которой предстоит стать предметом рассмотрения в другой работе.

Литература

1. Акулова Е.А. История села Горюхина А.С.Пушкина // Пушкин в школе. – М.: Изд. АПН РСФСР, 1951. – 250 с.
2. Алексеев М.П. «К истории села Горюхина» // Пушкин, статьи и Материалы. – Одесса, 1926. – 359 с.
3. Болдинские чтения. – Горький, 1977. – 327 с.
4. Венгеров С.А. Горюхино, а не Горохино // Пушкин А.С. Сочинения.– Том. IV. – Спб.: Изд. Брокгауз-Ефрон, 1910.–С.226-235.
5. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. – М.:Л.: Гослитиздат, 1941. – С.500-504.
6. Добролюбов Н.А. Собр. соч., Том. VI. – М.; Л.: Гослитиздат, 1963. – 529с.
7. Искоз А. «История села Горюхина» // Пушкин А.С. Сочинения.–Том. IV. – Спб.: Изд. Брокгауз-Ефрон, 1910. – С.237-246.
8. Кожевников В. «История села Горюхина» - История России // Москва, 1988. – № 6.– С.179-183.
9. Пушкин. Полн. собр. соч. В 16-ти тт. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1937-1949.
10. Пушкин. Итоги и проблемы изучения. – Л.: Наука, 1966. – 478 с.
11. Сидяков Л.С. Художественная проза Пушкина. – Рига, 1973. – 219 с.
12. Страхов Н.Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. – Спб., 1888. – 247 с.
13. Ямпольский И.Г. Середина века. – Л.: Худ. лит., 1974. – 374 с.

Анотація

У статті розглядається своєрідність творчості О.С.Пушкіна у пародійному жанрі на прикладі оповідання «Історія села Горюхіно». М.М. Страхов у своїй роботі «Замітки про Пушкіна та інших поетів» вперше підняв питання про Пушкіна–пародиста серед своїх сучасників, розширюючи контекст існуючих уявлень про багатогранний талант пушкінського генія. Досліджуючи пародійно–полемічну спрямованість «Історії села Горюхіна», Страхов співвідносить «Історію села Горюхіна» з «Історією Государства Російського» Карамзіна, приводячи ряд паралелей з текстів обох авторів.

Annotaion

This article is devoted to one of the most specific feature of Pushkin's prose – writing parodies. All the material of our search is based on the Pushkin's story "History of the Goryuhin's village". Strahov was the first who talked about Pushkin as a parodist among his contemporaries, developing knowledge about great poet. In his work Strahov tried to compare Pushkin's work with "History of the State of Russia", proving parodical tendencies in these two works.

Аннотация

Предметом исследования данной статьи является пародии А.С.Пушкин, в частности повесть «История села Горюхина». Н.Н.Страхов был первым среди своих современников, кто поднял вопрос о Пушкине – пародисте. В «Заметках о Пушкине и других поэтах» критик соотнес «Историю села Горюхина» с «Историей Государства Российского» Карамзина.